
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 6-2(94-2), 2023 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2023

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77-46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.
Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 26.06.2023
Формат 60×84/8. Объем 42
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)

Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Артасековна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Бяляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИБОКАНИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орденбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОЙЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Кетягин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной биб-лиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Прилепский П.А.

Теоретические основы концепта китайской мягкой силы 2874

Гандалоева З.М.

Политическое пространство в России:
теоретико-методологический анализ и региональная специфика 2885

Лагузова М.А.

Эволюция взглядов А.И. Кошелева относительно сохранения
общинного землевладения: политико-текстологический анализ 2893

Комаров А.А.

О. Шпенглер: будущее за русской культурой 2901

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Белановская Ю.Е., Миронова А.В., Слизовский Д.Е.

Патриотизм и патриоты в современной России:
признаки силы и слабости (историко-политический аспект) 2911

Волох В.А., Суворова В.А., Шорохова С.П.

Историко-политологический опыт интеграционной политики
мигрантов в России 2920

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Азизи С.К.

Гендер и факторы, его определяющие:
реалии современного таджикского общества 2932

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Буслаев А.В., Деметрадзе М.Р.

Генезис национального суверенитета 2939

Свечникова М.В.

Особенности доверия в пространстве современной
политической интернет-коммуникации 2954

Котова Е.А.

К вопросу о клерикализации России 2964

Акобардина А.И.

Анализ демократической консолидации США
на основе теории трехуровневой консолидации демократии
Х. Линца и А. Степана 2972

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Абрашин И.И.

Особенности внедрения проектного подхода
в процесс муниципального управления..... 2982

Чистов И.С., Колпаков М.В.

Сравнительный анализ осуществления политики цифровизации
при формировании репутационного капитала
Республик Башкортостан и Чувашия 2991

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Инь Сымэн, Бикернице А.

The Building of European Soft Power in China
Through Educational Collaboration/
Формирование европейской «мягкой силы» в Китае
через сотрудничество в сфере образования..... 2998

Маслакова-Клауберг Н.И.

Вызовы для мирового порядка в XXI веке:
«Большая семерка» и БРИКС 3016

Мехмет Урнер

Эволюция динамики внешнеэкономической
новой концепции Турции в период правления ПСР 3027

Лисенкова А.Д.

Политические группы евроскептиков
Европейского парламента 3045

Емелин Д.Р.

Ближний Восток как предмет исследования
в контексте энергетической политики 3057

Казарян С.А.

Влияние корпоративной социальной ответственности
транснациональных компаний Соединенных Штатов Америки
в развивающихся странах..... 3068

Ло Яньчао, Сян Июань, Лю Юйчэнь, Чжу Хао

Сравнение инструментов влияния Китая и Индии
в странах Юго-Восточной Азии в XXI веке 3077

Лю Ци

Россия и Китай в эпоху глобализации: стратегическое партнерство
в информационных войнах современности..... 3087

Молчанов П.П.

Влияние миграционного кризиса на концепцию
«европейской солидарности»..... 3094

Налбандян К.С.

Политическое влияние Турции на Южном Кавказе 3107

Туровская А.Э.

Роль США в трансформации системы безопасности
Балтийского региона..... 3120

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Арефьев П.В.

Политический курс «социализма XXI века» в Венесуэле
и причины его несостоятельности 3129

Зиновьева Е.Н.

Эволюция понятия политическая повестка
в системе научного знания 3141

Курченко А.И.

Южнокорейско-японские отношения:
конфликты в XXI веке 3152

Ли Сяэй

Особенности китайско-российских отношений
всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства 3159

Пак О.А.

Образец английского джентльмена Дж. Локка:
соотношение философского идеала
с политической реальностью 3166

Стеняева А.Д.

Геополитическая стратегия России в отношении Китая..... 3177

НАШИ АВТОРЫ 3185

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 3192

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ 3194

А.В. БУСЛАЕВ

*бакалавр политических наук, студент-магистр факультета
«Международных отношений и геополитики» АНО ВО
«Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского»,
Россия, г. Москва
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7350-7097>*

М.Р. ДЕМЕТРАДЗЕ

*доктор политических наук, профессор АНО ВО «Университет
мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского»; Главный научный
сотрудник ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия имени
Д.С. Лихачева»; Главный научный сотрудник ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,
Россия, г. Москва
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7676-8054>*

ГЕНЕЗИС НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Введение. Несмотря на заявления о «размывании» суверенитета, так часто делаемые неолиберальными исследователями международного права, данная категория даже сейчас остается фундаментальным признаком государства. И это вряд ли вызывает удивление, поскольку данная концепция лежит в основе самой системы, обеспечивающей принуждение граждан к соблюдению правил взаимовыгодного сосуществования. В то же время, несмотря на свою важность и частое использование в качестве аргумента или оправдания тех или иных действий в официальных документах, данная категория не имеет четкого определения ни в международном, ни в национальном позитивном праве. Это, в свою очередь, оставляет государствам на международной арене, равно как и различным политическим силам внутри государств, полную свободу в трактовке суверенитета в рамках его общей теории, в результате чего в современной международной практике одновременно существуют совершенно различные, зачастую даже несовместимые трактовки, многие из которых представляют потенциальную или реальную угрозу международной безопасности. Такая

ситуация требует погружения в историю суверенитета для выявления условий, причин и, что самое важное, целей его создания.

Цели и задачи. *Цель работы заключается в выявлении первоначальных целей создания концепции суверенитета и решаемых им задач. Достижение цели требует выполнения следующего перечня задач: выявление предпосылок зарождения суверенитета; выявление необходимых условий для зарождения и существования суверенитета; установление характерных особенностей политических систем государств Европы, имевших место в период зарождения суверенитета.*

Методы. *Представленная работа имеет обзорно-исторический характер. При выполнении исследования были использованы исторический, сравнительный и аналитический методы, а также методы научного обобщения и синтеза.*

Результаты. *В работе представлены процесс возникновения предпосылок для создания суверенитета, зарождение концепции суверенитета правителя в философской и политики-правовой мысли Европы, процесс постепенного исчезновения наднациональных суверенов в виде императора Священной Римской Империи и Папы, превращение суверенитета в фундаментальную категорию внутренней политики.*

Выводы. *Суверенитет изначально формировался как механизм оправдания власти правителя, его возвышения над законом и превращения в источник онога. Со временем, после распада первого условно-всемирного суверена – Римской Империи – суверенитет был забыт, чтобы позже быть изобретенным вновь для избавления европейских монархов от влияния тех, кто претендовал на наследие и власть Рима. Со временем приняв этот концепт, государства увидели в нем ограничение уже своей власти, а потому исказили его, на время превратив в один из самых опасных и аморальных конструктов. В сфере международных отношений суверенитет создал парадоксальную ситуацию: применительно к отдельному политическому сообществу, данная категория подразумевала наличие в нем носителя абсолютной власти, тогда как применительно к сообществу международному – отсутствие такового.*

Ключевые слова: *международные отношения, международное право, суверенитет, суверен, политическая общность, национальное государство.*

Актуальность. *Несмотря на то, что национальный суверенитет на текущем историческом этапе являет собой достаточно очевидную проблему, понимание сути этой проблемы требует рассмотрения процесса его становления как категории внутригосударственных и, что наиболее важно в контексте рассматриваемой темы, международных отношений. Это, в свою очередь, призвано дать понимание целей, которым данная категория должна*

была служить согласно изначальной задумке. Таким образом, прежде всего мы должны обратиться к данному вопросу, рассмотрев его настолько подробно, насколько позволяет формат работы.

Современному наблюдателю, находящемуся в эпохе безусловного доминирования национального государства как основной единицы международных отношений, может показаться, что категория суверенитета неотрывно связана с государством и существует столько же, сколько существует последнее. Данное суждение, однако, в корне неверно, потому как первое употребление схожих категорий, согласно утверждению историков – в частности, Фрэнсиса Хинсли – относится к позднему периоду существования Римской Империи [11. Р. 41]. С учетом же последовавшего за ее распадом упадка политической мысли, периодом становления суверенитета как категории возможно называть только ранее Новое время. Таким образом, суверенитет для современной цивилизации является достаточно новым понятием, что, впрочем, не умаляет его важности.

Прежде всего, стоит отметить, что суверенитет, в наше время рассматривающийся как атрибут политической общности, изначально формировался – и до недавнего по историческим меркам времени рассматривался – как атрибут правителя. Процесс его формирования можно условно разделить на два периода, которые мы назовем периодами до-суверенным и суверенным соответственно. Каждый из этих периодов также можно разделить на этапы, соответствующие развитию политической мысли в данном направлении в конкретное время, но такая классификация не имеет большого значения в контексте данного исследования.

Несмотря на вышеуказанный факт, суверенитет с момента своего зарождения стал важным фактором международных отношений. Понимание данной категории в этом контексте, однако, требует рассмотрения генезиса суверенитета как внутренней категории, поскольку именно его «внутренние» характер и свойства определили его «внешние» особенности.

Основные результаты исследования. «До-суверенный» период, условно продлившийся, по мнению упомянутого ранее Хинсли, до XIII века [11. Р. 92], представляет для нас интерес только в контексте двух явлений. Во-первых, это возникновение прообраза того, что можно было бы назвать суверенитетом правителя; во-вторых, это формирование той политической ситуации и того явления, которое обусловило необходимость создания концепции суверенитета.

Для начала мышления в категориях суверенитета необходимо выделение субъекта, являющегося самостоятельным, пусть даже и условно, политическим актором. Однако на протяжении большей части человеческой истории правитель, единоличный или коллективный, рассматривался исключительно как исполнитель божественной воли, как инструмент сверхъестественных существ. Логичным образом, такой правитель не мыслился сувереном,

и, вероятно, не мыслил, как таковой, поскольку его авторитет был обусловлен его подчинением власти более высокого порядка. Даже на самом раннем этапе, когда правитель был равен богам, его действия все еще рассматривались как не вполне самостоятельные.

Еще одним необходимым условием является отделение такого актора от общества при сохранении ассоциации последнего с ним. Однако, данное явление, по-видимому, не было характерно для цивилизаций Европы и прилегающих территорий вплоть до III века до н.э. Так, даже Аристотель, при всей прогрессивности его измышлений, хотя и называл общество высшей формой объединения людей [1], обозначал его термином «Polis» – термином, обозначающим общность политическую, которая, по мнению историков [11. Р. 28], не рассматривались им как нечто отдельное от общества. Кроме того, греческие политические сообщества вряд ли можно называть полноценными государствами в силу их раздробленности и преимущественно анти-монархического характера, что на рассматриваемом историческом этапе не являлось прогрессивной формой политического устройства.

Первые шаги в нужном направлении были сделаны в эллинистических монархиях. Организованные по имперскому принципу, они поставили административный аппарат государства над обществом и вне общества, тем самым создав столь нехарактерное для греческих полисов разделение между общественным и политическим. Кроме того, они первые приняли для себя принцип фиксированности и неприкосновенности территорий, находящихся под их контролем [11. Р. 33], тем самым заложил принцип, который впоследствии также окажет влияние на характер концепции суверенитета – принцип территориальности. Ассоциация между обществом и правителем, в свою очередь, сохранялась в силу свойственного таким государствам обожествления правителей. Однако, она была в значительной степени ограничена характерной для монархий восточного типа особенностью – недопуском местных элит к отправлению власти.

Наконец, последним условием для формирования суверенитета является ассоциация рассматриваемого актора с законом. Здесь также важно отметить, что для классиков греческой политической мысли закон был не столько писаным правом, сколько сущностью высшего порядка, своего рода высшей моралью [2]. Таким образом, обожествление правителя в эллинистических монархиях позволило ему встать наравне с законом, превратившись из интерпретатора и исполнителя в его источник.

Такая персонификация закона была важна по нескольким причинам. Прежде всего, если правитель является источником закона, то он стоит над законом и, в некотором смысле, вне закона. Такое подчинение закона правителю, в свою очередь, лишило первый универсального статуса, ограничив его рамками конкретного *corpus politicum* (1) – если, разумеется, в рассматриваемый период вообще целесообразно говорить о формировании

полноценной политической общности. И уже это ограничение привело к формированию принципа превосходства закона внутри *corpus politicum* над любым внешним диктатом.

Итак, эллинистические монархии заложили важные основы суверенитета и создали предпосылки для его формирования. Их история, однако, оказалась слишком короткой, чтобы оказать более существенное влияние на политическую мысль и политические практики будущего. Однако, такое влияние оказал Рим, о котором и пойдет речь далее.

На протяжении значительной части своей истории Рим фактически был одним из многих классических полисов, чья политическая система строилась на неотрывности общественного от политического, общества от государства. Именно по этой причине он долгое время также не мог прийти к концепции суверенитета. *Populus Romanus*, сущность общественная, была источником политической власти, во имя которой магистраты насаждали закон, но закон этот был того же свойства, что и у греческих мыслителей: не воля носителя власти, но высшая, божественная мораль. Даже *Imperium* в рассматриваемый период не имел отношения к территориальному или политическому сообществу, означая лишь право править, коим *populus Romanus* наделял своих высших чиновников. И именно такое отсутствие мышления в территориальных категориях, по мнению упоминавшегося ранее Хинсли, и служило основной причиной, по которой народ Рима не мыслил в категориях суверенитета [11. Р. 37], хотя такое мышление и может казаться современному наблюдателю единственно логичным.

Изменения начались с периода Принципата, когда партийная – или, скорее, родовая – борьба привела к падению Республики. Становление единоличной власти «первого гражданина» запустило те процессы, аналогичные имевшим место ранее в эллинистических монархиях – отделение власти от общества и вознесение правителя над законом. Отличие Рима, однако, состояло в том, что имперская власть в нем не была навязана извне, но постепенно выросла из уже существующих институтов – то есть, отделение власти от общества происходило при сохранении ассоциации последнего с первым, что и позволило ему в итоге прийти до формирования концепции суверенитета. Следует отметить, что сохранению и укреплению такой ассоциации особо способствовали меры по формированию общеимперского, а не исключительно Городского или Итальянского *corpus politicum*, такие как постепенное разбавление старых республиканских родов в сенате новыми, происходившими из иных земель, объявление в 212 году всех жителей контролируемых Империей территорий ее гражданами, etc., а также сохранение – в том числе и в Византии, как следует из «*Corpus juris civilis*» – истоков имперской власти в воле народа: «...*populus ei et in eum omne suum imperium et potestatum conferat*» [12].

Одним из важнейших факторов, обусловивших отличие статуса римского императора от статуса правителя эллинистического государства, стала эволюция категории закона от высшей, божественной морали к писаному праву. Таким образом, к III веку н.э. император находился выше и был источником не абстрактных по своему характеру внешних предписаний, но вполне конкретных правовых норм – положение, которое Ульпиан выразил словами «*princeps legibus solutus est*». Логичным образом, как и в эллинистических государствах, это ограничило сферу действия категории закона, но и усилило ассоциацию общества с ним, поскольку это была уже не абстрактная сущность, но «наш» закон, закон конкретных правителей конкретных земель. И ассоциация эта, по причине наличия устоявшегося римского *corpus politicum*, была куда сильнее, чем когда-либо ранее, что позволило ей сохраниться даже после падения Империи и поспособствовать превращению римского права в высший идеал.

Таким образом, римская модель базировалась на том, что «*Imperium*» правителя был абсолютен, закон был его волей и не имел над ним самим силы, а граждане составляли относительно единый *corpus politicum*, ассоциированный с императором путем проистекания его власти из воли народа. Фактически, это был первый концепт суверенитета правителя, хоть он и не носил такого названия. Однако, его сохранению и дальнейшему развитию помешал распад Империи, и прежде всего – распад единого административного аппарата. Любопытным в этой связи является тот факт, что как минимум до XIII данный распад слабо осознавался, будучи успешно заменен другой концепцией, долгое время существовавшей параллельно – концепцией «Христианского мира».

В отличие от Империи, «Христианский мир» не представлял из себя политическую общность, хотя долгое время мыслился таковым. Сохранив формальные признаки позднего Рима – институт папства и, пусть и с оговорками, императора – он, тем не менее, уже не был государством с единым административным и бюрократическим аппаратом. Кроме того, Папа, как и любой теократ, не мог быть сувереном по определению, являясь ретранслятором божественной воли. Император же, во-первых, не имел контроля над многими территориями «Христианского мира», а во-вторых, он короновался Папой, таким образом сам становясь лишь слугой высшего суверена, коим мыслился христианский Бог, что отражалось – как минимум, с мерovingских времен – в титуле «*Rex Dei Gratia*». Таким образом, хотя Империя и мыслилась существующей, ни один из ее формальных правителей, даже если бы он имел такое желание, не мог обладать суверенитетом. И тем более невозможно говорить о суверенитете Империи как политической общности, поскольку никакой политической общности не существовало в принципе.

Полагаю, к этому моменту уже стало ясно, что процесс формирования суверенитета правителя всегда строился вокруг освобождения от внешнего влияния более высокого порядка, будь то мораль, право или политическая власть. Римская Империя, а затем и несколько более глобальный «Христианский мир», к началу Средних веков сами стали источником такого влияния в стремящемся к децентрализации феодальном мире. И поскольку размеры крупнейшей политической общности в этот период значительно сократились, дальнейшее изучение вопроса требует спуститься на уровень ниже, обратившись к территориальным сообществам феодальной Европы.

Помимо избавления от вертикального внешнего вмешательства, феодальным обществам для формирования суверенитета требовалось решить также вопрос с вмешательством горизонтальным. Как понятно из римского примера, суверенитет невозможен без определенной степени централизации, а раннефеодальное государство не могло быть централизованным из-за своей структуры. Как следствие, любые инициативы по централизации на тот момент встречали резкий отпор на всех уровнях, с чем мог успешно бороться только действительно авторитарный правитель. Впрочем, для такой борьбы требовалась концентрация значительных ресурсов в руках короны, что в условиях раннего феодализма было невозможно.

Становлению суверенитета правителя в рассматриваемый период мешали также церковь и общество. Первая рассматривала монарха в качестве очередного исполнителя божественной воли в общей иерархии, а второе – как охранителя сложившегося в обществе порядка. Соответственно, ни церковь, ни общество не рассматривали правителей как имеющих право на власть *a priori*, что также необходимо было изменить.

В результате процесса внутренней консолидации государств, а также под воздействием все шире распространяющегося знания трудов Аристотеля и собраний Римского права, в европейских сообществах к XIII веку произошло разделение божественного (естественного) и позитивного права; при этом, первое, равно как и обычное право, со временем выпали из категории закона. Кроме того, именно в это время в европейскую политическую мысль возвращается идея, что государство – по крайней мере, в экстренных ситуациях – может выходить за рамки позитивного права. Однако, наибольший интерес в контексте формирования суверенитета представляет тот факт, что канонические юристы данного периода, стремясь, по-видимому, уменьшить влияние императора и увеличить роль Папы, начали указывать на *de facto* политическую независимость европейских сообществ [11. Р. 81-82]. Именно поэтому многим видится целесообразным отсчитывать условный «суверенный» период с данного момента.

Первый законный прецедент был создан в 1202 году, когда Иннокентий III заявил, что король Франции не имеет над собой высшей власти в делах земных [7]. Уже к середине XIII века это привело к тому, что европейские

монархи начали заявлять о независимости от абстрактной Европейской Империи в том числе и *de jure*, подкрепляя это ссылками на Римское право. И хотя сторонники имперской власти старались, ссылаясь на те же источники, доказать обратное, они оказывались не в состоянии представить защищаемую ими структуру как политическое сообщество, будучи вынуждены обращаться, в отличие от своих оппонентов, к абстрактным категориям и теократической традиции. В свою очередь, более поздние анти-папские мыслители, такие как Данте Алигьери, Марсилиус Падуанский и Уильям Оккам, противопоставили этому утверждение, что церковь не являлась политическим сообществом, а ее глава всегда был лишь верховным отправителем церковных таинств, по определению не имеющим власти в земных делах. Стоит отметить, что Данте пошел дальше простого анти-папизма, утверждая в своем труде «*Monarchia*», что если император более не правит всеми людьми, как правил когда-то римский император, то ему совершенно необходимо вернуть такую власть [3].

К середине XIII века французские исследователи Римского права вывели из него две важные для возникновения суверенитета правителя формулы: «*rex imperator in regno suo*» и «*rex superiorem non recognoscens*». Первая из них изначально была своеобразным компромиссом, декларируя абсолютную власть монарха в пределах своих владений, но сохраняя его подчинение императору в делах, касающихся всего «Христианского мира». Однако более поздние трактовки, приведшие в том числе и к созданию второй формулы, провозглашали уже полную независимость монарха от любого внешнего воздействия во всех внутренних делах.

Таким образом, к XIV веку были созданы (или адаптированы к новым реалиям) все предпосылки для возникновения суверенитета отдельного правителя. Для его окончательного становления требовались уже более сложные конструкции как правового, так и идеологического характера, возникшие преимущественно в Новое время. Следовательно, на этом мы завершаем описание «до-суверенного» периода и переходим к периоду становления суверенитета.

«Суверенный» период охарактеризовался, прежде всего, трансформацией характера внутренних взаимоотношений в политических сообществах Европы. Если ранее, в силу крайней сегментированности последних, для веры в подчинение их и их монархов Богу и закону требовались символы данных категорий – Папа и император соответственно – то уже к XIV веку централизация государств и концентрация власти в руках короны практически устранила эту необходимость. Однако, здесь речь пойдет о раннем суверенном периоде – периоде, когда основные теории еще только зарождались, а доминирующим трендом было обоснование суверенитета монарха, тогда как в более поздний период произошло обезличивание власти и переход суверенитета к политическому сообществу в целом.

Поскольку европейские политические сообщества сформировались как таковые до возникновения универалистских претензий Папы и императора, их власть требовала более тонких обоснований, чем просто сила – даже в тот период, когда падение Империи еще не было замечено. Как результат таких обоснований родились две теории, которые может условно назвать «папской» и «имперской». В первой власть Папы объяснялась наследованием его позиции от святого Петра, а власть императора – тем, что Папа передал ему земную власть путем коронации; во второй, соответственно, власть императора исходила напрямую от Бога, а также от того, что он фактически наследовал титул римских императоров. Следовательно, освобождение от влияния данных фигур требовало выработки некоей схожей, но особой формулы для обоснования власти регионального правителя.

Требовалось для этого и изменение самого его статуса, поскольку большую часть истории региональный правитель являлся представителем сообщества и защитником его законов, во время коронации принимая на себя обязательства править «*secundum iusticiam patrum tuorum*», соблюдая «*iustas leges et consuetudines*» [14. Р. 192]. В частности, именно для выхода за рамки такого положения и требовалась централизация государства и концентрация ресурсов в руках короны. Однако, это стремление логичным образом порождало сопротивление со стороны общества, желавшего оставаться источником власти. Достаточно хрупкий баланс, продержавшийся до XVI века, позволил достаточно долго продержаться уже не соответствующему действительности мнению о подотчетности монарха некоторым высшим силам.

Первым мыслителем, открыто и резко выступившим в пользу агентности монарха, стал Никколо ди Бернардо Макиавелли. В своем труде «*Il Principe*» он отвергал устоявшееся мнение о том, что монарх является лишь исполнителем внешней и высшей воли, утверждая, что власть если и не является высшей сущностью сама по себе, то по крайней мере подчиняется своим собственным законам. Предлагаемые им принципы и методы логичным образом встретили сопротивление при его жизни, однако не стоит забывать, что даже он ставил своего идеального правителя над обществом только для того, чтобы действовать в его интересах – в интересах целого *corpus politicum*, включающего одновременно и общество, и правителя [13. Р. 252]. В конце концов, не стоит забывать, что данный труд писался им как инструкция по объединению Италии, по формированию и защите этого самого *corpus politicum*, и именно потому он ограничивается исключительно границами политической общности.

Макиавелли, по-видимому, полагал, что упомянутый ранее конфликт между обществом и правителем может быть разрешен. Ключ его разрешения, однако, он видел в освобождении правителя от ограничений, накладываемых моралью и традициями, во имя блага всего *corpus politicum*. Более

того, он не видел иного способа обеспечить интересы политической общности, кроме как превратить государство в инструмент в руках правителя.

В контексте формирования в политической философии концепции политической общности стоит отметить также Франческо Гвиччардини. Данный мыслитель пошел еще дальше, утверждая, что любая власть возникает и базируется на насилии, за исключением государств, осуществляющих власть на своей территории и в рамках одной политической общности [8].

Крайне близко к формированию концепции суверенитета правителя в рассматриваемый период подошла Англия. Как и в случае с более глобальными событиями на континенте, о которых будет сказано далее, это во многом явилось следствием политической нестабильности предыдущих лет. Впрочем, это приближение, во-первых, диктовалось необходимостью укрепить позиции новой династии – Тюдоров, а во-вторых, оно опиралось на концепцию божественного происхождения власти монарха, но никак не на политическую общность. Иными словами, английский монарх просто предпринял попытку возвыситься до позиции императора, стать «*Rex Dei Gratia*» – вплоть до того, что Генрих VIII в своем «акте об ограничении апелляций» напрямую утверждал, что «*the realm of England is an Empire*» [9], обозначая тем самым независимость своей власти от внешнего воздействия.

Несмотря на то, что и Макиавелли, и Гвиччардини выступали за свободу правителя в том числе и от религиозной морали, значительное влияние на формирование концепции национального суверенитета оказали реформация и последовавшие за ней религиозные войны – или, вернее, созданная ими нестабильность. В этом контексте интерес для нас представляют два мыслителя, пытавшихся создать теоретическую базу для привнесения порядка во внутренний и международный политический хаос: Жан Боден и Гуго де Гроот.

«*Les Six Livres de la République*» Бодена явились прямым следствием внутреннего беспорядка во Франции, вызванного трансформацией старых феодальных порядков и религиозными конфликтами. В условиях, когда противники короны опирались на обычное и божественное (естественное) право, а ее сторонники – на Римское право и божественное происхождение королевской власти, он пытался найти некоторые базисные идеи, на основе которых возможно было бы восстановить внутреннюю политическую гармонию. И прежде всего, ему предстояло придать четкую форму и дать название уже *de facto* существующему явлению.

Являясь одновременно критиком и логичным последователем Макиавелли, Боден полагал, что достижение общественного блага возможно только при восприятии политической общности как состоящей и из правителя, и из общества, и только при условии, что правитель действует в рамках закона и морали [6. Р. 1-6]. Как следствие, вся его теория суверенитета строилась на основе этой моральной диспозиции и вокруг

его стремления к внутренней политической интеграции. Его аргументация в пользу абсолютной власти, соответственно, не строилась исключительно на потребностях и благе политического сообщества: хотя он признавал необходимость такой власти для гармонизации внутренней политической ситуации, он утверждал, что она должна быть признана юридически. Собственно, такую абсолютную, являющуюся источником закона, обладающую эксклюзивным правом на решение вопросов войны и мира, но опирающуюся на закон и ассоциированную с обществом власть Боден и называл суверенной. Суверенитет, таким образом, суть абсолютная власть политической общности, и в каждой политической общности должен быть суверен [6. Р. 24-25].

В контексте рассматриваемой эпохи вполне логично, что Боден боялся анархии больше, чем тирании, а потому сама идея ограниченного суверенитета или какого-либо смешанного государства виделась ему абсурдной и опасной. Суверенная власть для него имела божественное происхождение, ее осуществление не требовало общественного согласия; следовательно, власть суверена могла быть ограничена только им самим. Однако, это утверждение не означало, суверенная власть была свободна от божественных и естественных законов – характеристика, отделявшая ее от простого абсолютизма. Впрочем, ответственность за «правильный» суверенитет и «хорошее» правление полностью возлагалась на правителя, тогда как обществу не было оставлено никаких механизмов контроля [6. Р. 43].

Если в настоящее время скорее считается, что существование политической общности является условием для возникновения суверенитета, то для Бодена именно наличие суверена отделяет *corpus politicum* от всех остальных форм человеческой ассоциации. Разделяя формы государственной власти на монархию, аристократию и демократию, он говорил не о разделении суверенитета, как может показаться современному наблюдателю, но скорее о единоличном или коллективном суверене, правление которого, соответственно, является легитимным, деспотическим или в интересах фракций. Сам Боден, следуя трендам времени, предпочитал монархию, полагая, что именно монарх способен наиболее уважительно относиться к обычаям и правам своих подданных, осуществляя суверенитет через институты и связывая тем самым правителя и общество.

Разумеется, теория Бодена не была совершенной, местами противореча самой себе – в частности, в вопросе ограничения власти. Однако, для своего времени это была крайне прогрессивная теория, направленная на разрешение внутренних противоречий и укрепление государства. Более того, это была не только первая теория суверенитета не только и не столько правителя, сколько политической общности, представляемой им.

Гуго де Гроот, более известный как Гроций, в контексте рассматриваемой темы представляет интерес, во-первых, своим вкладом в теорию

формирования *corpus politicum*, а во-вторых – вкладом в формирование концепции суверенитета политической общности. Разумеется, он не был первым: еще Иоганн Альтузий утверждал, что источником и носителем власти в государстве выступает общество [4]; впрочем, Гроций имел целью лишь примирить сложившуюся дуалистическую концепцию политического общества (правитель-общество) с созданной Боденом концепцией. Этой цели была призвана послужить воспринятая и развитая им концепция, впоследствии получившая название общественного договора, утверждавшая передачу людьми своего изначального суверенитета правителю в обмен на порядок и защиту [5. Р. 39-49]. Вряд ли возможно утверждать, что Гроций преуспел в своем стремлении. Тем не менее, общественный договор, пусть и не в своем изначальном виде, впоследствии стал доминирующей концепцией происхождения государства и, как следствие, суверенитета правителя.

Данный тезис впоследствии расширил Томас Гоббс. В отличие от Гроция, он стремился не примирить суверенитет с вышеупомянутым дуализмом, но разрушить последний, сделав правителя единственным носителем суверенитета. В его концепции существовал единственный договор, по которому все индивиды соглашались подчиниться государству, но в заключении которого государство – разумеется, суверенное – не принимало никакого участия. Это был договор не людей с государством как отдельной сущностью, но всех людей со всеми людьми, что и породило государство [10]. Соответственно, если не было никакого контракта с сувереном, то последнего ничто не связывало. Как и Боден до него, Гоббс рассматривал суверенитет как неделимое и неотъемлемое свойство государства, в котором со сменой формы правления меняется лишь количество лиц, составляющих суверена, но не появляется никаких ограничений.

Если в концепции Бодена для правителя еще существовали ограничения в виде естественного и обычного права, пусть и без опоры на некое реальное воздействие со стороны носителя последних, то в концепции Гоббса государство обладает неограниченным и, что важно, неограничимым суверенитетом. Исходя из аксиомы, что «закон – это приказ» [10], он обосновывал невозможность считать естественные законы непосредственно законами, потому как подчинение закону основывается не на авторитете последнего, но на санкциях за его неисполнение, что по определению невозможно в категории естественного права. Что же касается обычного права, то оно существовало для него не столько благодаря авторитету времени, сколько с молчаливого согласия суверена. Разумеется, разработки Гоббса не закрыли вопрос носителя суверенитета в сообществе. Однако именно они в скором будущем привели к его окончательному становлению.

Заключение. Таким образом, к XVIII веку в европейских сообществах возникло понимание, что в каждом сообществе есть носитель – коллективный или, чаще всего, единоличный – абсолютной власти, получивший

на нее право единоразово и навсегда с согласия всех членов сообщества, а потому осуществляющий ее по своему усмотрению и несущий ответственность только перед собой. Иными словами, Европа наконец-то вернулась к еще римской концепции, которую ей в будущем предстояло развить до своего возможного максимума. И данная категория, учитывая довольно большое количество таких «Римов» на бывшей территории Империи, просто не могла не изменить саму суть международных отношений. Однако, данный вопрос требует рассмотрения в отдельном исследовании.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Здесь и далее под этим выражением понимается политическая общность – прим. авт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Aristotle*. Politics, Book I / Aristotle – Perseus Digital Library // <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0058:book=1>.

2. Ancient Ethical Theory, substantive revision Feb 5, 2021 // Stanford Encyclopedia of Philosophy // <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-ancient>.

3. *Alighieri, Dante*. Monarchia, Liber I / Dante Alighieri, ed. Pier Giorgio Ricci – Società Dantesca Italiana // <https://danteonline.it/opere/index.php?opera=Monarchia%20-%20ed.%20Ricci>.

4. *Althusius, Johannes*. Politica Methodice Digesta, Atque Exemplis Sacris et Profanis Illustrata / Johannes Althusius, edited and translated by Frederick S. Carney – Online Library of Liberty // <https://oll.libertyfund.org/title/althusius-politica>.

5. *Borschberg, Peter*. Grotius, the Social Contract and Political Resistance: A Study of the Unpublished Theses LVI (IILJ Working Paper 2006/7) / Peter Borschberg – Institute for International Law and Justice // <https://iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/Borschberg-Grotius-the-Social-Contract-and-Political-Resistance-A-Study-of-the-Unpublished-Theses-LVI-2006-2.pdf>.

6. *Bodin, Jean*. Les Six Livres de la République / Jean Bodin, abridged and translated by M. J. Tooley – Basil Blackwell, Oxford, 1955.

7. Conti di Segni, Lotario de (Innocentius III). Per Venerabilem / Innocentius III, translated by Shannon Williamson // Decretal Letters of Pope Innocent III touching on Church and State – Medieval Legal History // <http://legalhistory-sources.com/ChurchHistory220/Lecture%20Four/InnocentIIIChurchState.html>.

8. *Guicciardini, Francesco*. Ricordi politici e civili / Francesco Guicciardini, пер. М.С. Фельдштейн – Восточная литература // <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Gviccardini/text11.phtml?id=4710>.

9. *Henry VIII of England. The Ecclesiastical Appeals Act / Henry VIII – Henry VIII, the Reign* // <https://www.henryviiihereign.co.uk/1532-act-of-appeals-preamble.html>.

10. *Hobbes, Thomas. Leviathan or the Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civill / Thomas Hobbes, e-version* by Edward White and David Widger – Project Gutenberg // <https://www.gutenberg.org/files/3207/3207-h/3207-h.htm>.

11. *Hinsley, Harry Francis. Sovereignty, 2nd Edition. Cambridge University Press, Cambridge, 1986.*

12. *Iustinianus, Flavius Petrus Sabbatius. Domini nostri sacratissimi principis Iustiniani iuris enucleati ex omni vetere iure collecti, Digestorum, seu Pandectarum. Liber primus / Flavius Petrus Sabbatius Iustinianus (Iustinianus I Magnus), ed. by Theodor Mommsen & Paul Krueger – The Roman Law Library by Y. Lassard & A. Koptev* // <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/d-01.htm>.

13. *Ridolfi, Roberto & Grayson, Cecil. The Life of Niccolò Machiavelli, 1st edition. Routledge, London, 1963.*

14. *Sources of English Constitutional History: A Selection of Documents From A.D. 600 to the Present, vol. I / ed. by Carl Stephenson and Frederick George Macham – Harper & Row, New York, 1937.*

A.V. BUSLAEV

*BA in Political Sciences, Master student at Zhirinowsky University of World Civilizations, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7350-7097>*

M.R. DEMETRADZE

*Ph.D. in Political Sciences, Full Professor at Zhirinowsky University of World Civilizations; Russian Heritage Institute Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7676-8054>*

GENESIS OF THE NATIONAL SOVEREIGNTY

Introduction. *Despite the claims often made by of neo-liberal researchers, that the sovereignty at our time is a withering concept, this very category retains its place as a cornerstone of a state, which, given the fact that this concept serves as the very basis for the very system that ensures citizen compliance with the rules*

of mutually beneficial coexistence, this should be of little surprise. Nevertheless, despite its importance, there is no definition of sovereignty in neither international nor national positive law. This, in turn, grants any and all international actors the complete freedom to interpret it within its general theoretical framework, resulting in simultaneous existence of completely different, often incompatible ideas, concepts, and practices.

Purpose and objectives. *Our general purpose is to determine the initial goals pursued by the creation of sovereignty. Achieving this goal demands the following; identifying the prerequisites for the emergence of sovereignty; determining the necessary conditions for the emergence and existence of sovereignty; exploring the characteristic features of the political systems of the states of Europe that took place during the period of the emergence of sovereignty.*

Methods. *While performing the research, historical, comparative, analytical methods, as well as methods of scientific generalization and synthesis were applied.*

Results. *This research presents the process of the emergence of prerequisites for the creation of sovereignty, the emergence of the concept of sovereignty of the ruler in the philosophical and legal thought of Europe, the process of the gradual disappearance of supranational sovereigns in the form of the Holy Roman Emperor and the Pope, the transformation of sovereignty into a fundamental category of domestic politics.*

Conclusion. *Sovereignty was originally formed as a mechanism for justifying the power of the ruler; of him rising above the law and becoming a source of it. Over time, after the collapse of the first conditional world sovereign – the Roman Empire – sovereignty was forgotten, only to be reinvented later to rid the European monarchs of the influence of those who claimed the heritage and power of Rome. Over time, having adopted this concept, the states saw in it a limitation of their own power; and therefore distorted it, turning it into one of the most dangerous and immoral constructs for a while. In the sphere of international relations, sovereignty created a paradoxical situation: in relation to a separate political community, this category implied the presence of a bearer of absolute power in it, while in relation to the international community, the absence of such.*

Key words: *international relations, international law, sovereignty, sovereign, political community, nation-state.*